

Сару Брайерли |



ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

САРУ БРАЙЕРЛИ



Москва
2021

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Б87

A LONG WAY HOME

Saroo Brierley

Copyright © Saroo Brierley, 2013

Перевод с английского языка *Яны Матросовой*

Литературный редактор *Влад Чарный*

Cover Art supplied courtesy of Long Way Home Holdings
В коллаже на 4-й стороне обложки использованы фотографии:
© Shyamalamuralinath, PradeepGaur / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Брайерли, Сару.
Б87 Долгая дорога домой / Сару Брайерли ; [перевод с английского Я. Матросовой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 256 с. — (Кинообложка).

ISBN 978-5-04-117988-5

Когда Сару было пять лет, он поехал с братом в другой город и потерялся в поезде, который привез его в неизвестное место. Не зная ни фамилии своей семьи, ни откуда он родом, маленький мальчик несколько недель прожил на улицах Калькутты, пока не попал в сиротский приют. Его усыновила семья из Австралии, окружив заботой и любовью. Несмотря на то, что Сару был счастлив со своими новыми родителями, он не мог забыть лица матери и родных братьев и сестер. Мальчик часами разглядывал карту Индии на стене своей спальни, а затем и Google Earth, гадая, где же находится то место, где он жил. Однажды он нашел то, что искал. И отправился в долгую дорогу домой, чтобы обнять свою мать.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Матросова Я., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-117988-5

Посвящается Гудду

ПРОЛОГ

Н
икого.

Об этом дне я мечтал двадцать пять лет. Я рос через полсвета отсюда в другой семье, под другим именем, не зная, увижу ли еще когда-нибудь мать, братьев и сестру. И вот стою здесь, у двери хлипкого дома в бедняцком районе пыльного городка в Центральной Индии — месте, где провел первые годы жизни, — и никого здесь нет. Пусто.

Последний раз я стоял на этом месте, когда мне было пять.

Дверь со сломанными петлями намного ниже, чем мне представлялось в детстве, — теперь пришлось бы наклониться, чтобы пройти. Стучать незачем. Сквозь окна и щели в осыпающейся знаковой кирпичной кладке видна комнатуха, где ютилась наша семья, с потолком едва выше моего роста.

Этого я больше всего и боялся, только прятал леденящий страх на задворках сознания. Боялся,

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

что спустя годы поисков найду родной дом, а семьи там не окажется.

Чувствую себя потерянным, не знаю, что делать, — и не впервые в жизни. Мне теперь тридцать, в кармане лежат деньги и обратный билет, но я будто снова стою на той платформе много лет назад: дышать трудно, мысли мечутся, хочется изменить прошлое.

И тут открывается соседняя дверь. Из явно жилой части дома выходит девушка в красном с ребенком на руках. Мой вид ее, конечно, заинтересовал. Выгляжу я как местный, только одет по-западному, вещи слишком уж новые, а прическа модная и аккуратная — значит, иностранец, чужак. Дело осложняется еще и тем, что языка я не знаю, так что, когда она заговаривает, мне остается только догадываться: она спрашивает, что мне тут надо. Хинди я почти совсем забыл, даже не уверен, как произнести то небольшое, что могу.

— Не говорю на хинди, говорю по-английски.

К моему изумлению, девушка отвечает:

— Я знаю английский — немного.

Показываю на дверь опустевшего жилища и перечисляю имена его бывших обитателей: Камла, Гудду, Каллу, Шекила. Потом показываю на себя и говорю:

— Сару.

На этот раз девушка не отвечает. Я вспоминаю, что в Австралии мама дала мне кое-что как раз на такой случай. Роюсь в рюкзаке и достаю мои детские цветные фотографии, распечатанные на листе

САРУ БРАЙЦЕРЛИ

А4. Снова указываю на себя и говорю «маленький», ткнув пальцем в мальчика на фотографиях — Сару.

Пытаюсь вспомнить, кто жил с нами по соседству в то время. Не было ли там малышки, которая, повзрослев, стоит теперь передо мной?

Она всматривается в фотографии, поднимает глаза на меня. Не уверен, понимает ли, но на этот раз неуверенно заговаривает по-английски:

— Люди... не живут здесь... больше.

Хотя в этих словах нет для меня ничего нового, они ранят. Голова идет кругом. Я стою как вкопанный, не в силах пошевелиться.

Я всегда понимал, что, даже если мне удастся разыскать дом, семья могла уже и переехать. Ведь и за то недолгое время, что я жил с ними, мы успели переселиться сюда. Бедняки не выбирают, где жить, матери приходилось браться за любую работу, какая только подвернется.

Глубоко запрятанные некогда мысли роятся в голове. И только одну — о том, что матери нет в живых, — я гоню прочь.

К нам направляется еще какой-то мужчина, и я повторяю свои расспросы, как мантру. Называю имена родных: матери — Камлы, братьев — Гудду и Каллу, сестры — Шекилы — и собственное — Сару. Он уже собирается что-то ответить, как к нам не спеша подходит еще один.

— Что тут? Вам помочь? — спрашивает он на чистом английском.

Первый раз с момента прибытия в Индию я могу с кем-то нормально объясниться и торопли-

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

во повторяю рассказ: мальчиком я жил здесь, но уехал с братом и потерялся, вырос в другой стране, не мог вспомнить даже названия деревни, но вот наконец нашел ее, Ганеш-Талай, и теперь разыскиваю мать, братьев и сестру. Камлу, Гудду, Каллу, Шекилу.

Рассказ мужчине как будто озадачил, так что я называю имена снова.

— Подождите. Вернусь через пару минут, — произносит он мгновение спустя.

Я лихорадочно соображаю: куда он? За кем-то, кто знает, где они? Может, даже даст адрес? Но понял ли он, кто я? Ждать приходится недолго. И слова этого мужчины я не забуду никогда:

— Идем. Я отведу тебя к матери.

СКВОЗЬ ДЕБРИ ПАМЯТИ

В доме, где я рос, в Хобарте, на стене моей комнаты висела карта Индии. Моя мать — приемная мать, мама — повесила ее, чтобы я мог чувствовать себя как дома, когда меня усыновили в возрасте шести лет, в 1987 году. Ей пришлось объяснить мне, что изображено на карте, так как до этого я в школу не ходил и даже не знал, что такое карта, не говоря уж о том, чтобы представлять себе очертания Индии.

По всему дому мама расставила индийские безделушки: индусских божков, латунные фигурки и колокольчики, статуэтки слонов. Я тогда еще не понимал, что в обычном австралийском доме таких не увидишь. Еще она украсила шкаф в моей комнате драпировками с индийским узором и принесла вырезанную из дерева марионетку в цветастом наряде. Каждая вещица казалась смутно знакомой, даже если точно таких же я никогда раньше не видел. Иной родитель решил бы, что я еще совсем маленький и могу начать жизнь в Австралии с чи-

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

стого листа, что незачем растить меня с оглядкой на родину. Но ведь цвет кожи всегда служил бы мне напоминанием о корнях, да и не просто же так мама с папой решили усыновить мальчика из Индии.

Все детство я разглядывал карту, на которой мельтешили сотни названий. Еще задолго до того, как научился читать, я знал, что внушительный треугольник Индостана испещрен городами и деревнями, пустынями и горами, реками и лесами. Ганг, Гималаи, тигры и боги! Они меня завораживали. Я подолгу рассматривал карту, раздумывая о том, что среди всех этих названий есть место, откуда я родом, где появился на свет. Я знал, что называется оно «Гинестлей», но относится ли слово к городу, деревне или даже улице и где искать его на карте — не имел понятия.

Я даже не знал толком, сколько мне лет. В бумагах значилось, что я родился 22 мая 1981 года — год вычислили индийские власти, а дату выбрали по дню, когда я попал в приют, откуда потом меня и усыновили. Что может рассказать напуганный неграмотный мальчишка о том, кто он и откуда?

Поначалу родители даже не знали, как именно я потерялся. Им сказали только — да больше никто ничего и не знал, — что меня подобрали на улице в Калькутте и после безуспешных поисков семьи отправили в приют. К радости всех нас, я попал в семью Брайерли. Так что сначала родители показали мне на карте Калькутту и сказали, что я оттуда, хотя на самом деле это название я впервые услышал тогда от них. И только спустя год, когда

я более-менее освоил английский, смог объяснить, что вовсе я не из Калькутты, — туда меня привез поезд с железнодорожной станции неподалеку от «Гинестлея», а сама станция называлась не то «Брамапур», не то «Берампур»... точно не помнил. Знал только, что от Калькутты это далеко и что никто не сумел помочь мне отыскать то место.

Конечно, когда я только приехал, думать надо было больше о будущем, чем о прошлом. Мне предстояло влиться в новую жизнь в мире, совсем не похожем на тот, что был мне знаком. И родители приложили немало усилий, чтобы помочь мне преодолеть все возникавшие трудности. Мама не настаивала, чтобы я как можно скорее выучил язык, понимала, что это случится само собой. Чем понукать меня, она больше думала о том, как окружить меня теплом и заботой, завоевать доверие. А для этого слова не нужны.

Еще она была знакома с живущей по соседству индийской парой, Салин и Джейкобом, мы частенько ходили к ним в гости, где нас угощали индийской едой. Они говорили со мной на родном языке, хинди, задавали простые вопросы, переводили просьбы родителей и их объяснения о том, как мы теперь будем жить вместе. В силу бедняцкого происхождения я и на хинди-то говорил еще не особо хорошо, но то, что теперь хоть кто-то меня понимал, весьма помогало освоиться в новых обстоятельствах.

Мы знали, что все, что родители не могли объяснить жестами и улыбкой, переведут Са-

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

лин и Джейкоб, так что языковой барьер не мешал.

Как и всякий ребенок, новый язык я учил быстро. Но о прошлом в Индии поначалу рассказывал мало. Родители не настаивали и ждали, пока сам созрею, а я как будто и не слишком о том задумывался. Мама вспоминает, что однажды лет в семь я ни с того ни с сего вдруг захныкал и закричал: «Я добыл!» Как позже выяснилось, я расстроился из-за того, что забыл дорогу от своего индийского дома до школы — прибежал туда посмотреть на учеников. Мы тогда решили не придавать этому значения. Но в глубине души я это пустяком не считал. Кроме воспоминаний, меня с прошлым ничего не связывало, так что, оставаясь в одиночестве, я проигрывал их в голове снова и снова, пытаюсь убедиться, что ничего не «добыл».

Не сказать, что я когда-либо забывал о корнях. По ночам воспоминания вспыхивали особенно ярко, и потом еще было непросто успокоиться, чтобы уснуть. Днем было проще — столько всяких дел! Но и тогда мысленно я возвращался в Индию. Из-за этого, и еще собственной решимости не забывать, я сберег четкие воспоминания о детстве там, они складывались в почти полную картину: семья, дом и трагические обстоятельства, которые нас разлучили, ничуть не поблекли в моем сознании, некоторые даже сохранились во всех подробностях. Часть из них приятна, часть — болезненна, но одно неотделимо от другого, и я бы ни от одного не отказался.

САРУ БРАЙЕРЛИ

Привыкание к новой стране и культуре шло не так уж трудно, как можно подумать, в основном потому что жизнь в Австралии была куда более устроенной, чем та, что я вел в Индии. Конечно, больше всего на свете я мечтал найти маму, но, осознав, что это невозможно, понял, что теперь главное самому не пропасть. Родители с первого дня приняли меня со всей душой, часто обнимали, чтобы я чувствовал себя защищенным, любимым и главное — желанным в их доме. А для ребенка, который потерялся и знал, каково быть никому не нужным, это многое значило. Я быстро к ним привязался и вскоре стал полностью доверять. Даже в шесть лет (будем считать, что я родился в 1981-м) понимал, какая редкая удача мне выпала. Так я стал Сару Брайерли.

Почувствовав себя в безопасности в новом доме в Хобарте, я, наверное, решил, что неправильно заикливаться на прошлом, что новая жизнь должна вытеснить старую, а потому ночные размышления держал при себе. Все равно поначалу мне бы и не хватило языка обо всем рассказать. К тому же я не совсем понимал, насколько мой случай необычен, — грустил, конечно, но думал, что такое случается. Только потом, когда стал рассказывать людям о себе, по их реакции понял, что история моя необыкновенна.

Порой ночные мысли находили отражение и в жизни днем. Помню, как родители меня взяли на индийский фильм «Салам, Бомбей!». Его сюжет о мальчишке, который в одиночку борется за выжива-